

# **ЗЕЛЁНЫЙ ПРИЦЕЛ**

## **Пролог**

Посёлок Горный — место обычное, таких по стране тысячи. Дома старые, штукатурка с заборов осыпается, тополя вдоль дорог ещё деды сажали. Вечерами, если ветер с озера, сыростью тянет, а если с пекарни — так вообще благодать, булками свежими пахнет. Люди тут все свои, каждого знаешь: у кого дети, у кого корова, кто вчера запил, кто сегодня протрезвел. Бабки на лавочках языки чешут — обсуждают цены, соседей, погоду. Плохого почти не случалось. Ну, умрёт кто — неделю судачат. Ну, пожар на ферме — месяц вспоминают. Войны тут не помнят, катастроф не видели. Тишина — как в деревне, только вот посёлок городского типа, со всей своей инфраструктурой, которая вечно ломается.

Кузьмич любил этот посёлок. Не за красоту, а за то, что здесь всё было предсказуемо. Он знал, что в шесть утра завоет собака у соседей, в семь затарахтит молоковоз, в восемь Нинка поставит чайник. Он знал каждую трещину на тротуаре, каждую скрипучую половицу в подъезде. Здесь он хоронил родителей, здесь растил дочь, здесь ждал внуку на летние каникулы. Горный был не просто местом на карте — он был его кожей. И когда в ту ночь эта кожа начала лопаться, Кузьмич почувствовал это раньше, чем увидел.

А потом пришла та ночь. Июльская, душная. Всё перевернулось.

## **Часть первая**

### **Глава 1. Падение**

Ночь висела тёплая и липкая — спать не хотелось. Окна нараспашку, комары звенели в унисон с одинокой собакой где-то за гаражами. Обычная летняя ночь в Горном, каких сотни.

В два часа Иван Кузьмич подскочил на кровати от того, что она ходуном заходила. Сначала подумал — поезд. Но железная дорога в трёх километрах, и составы там только днём ходят. Трясло всё сильнее, вместе с тряской шёл гул — низкий, противный, от которого зубы начинали ныть, а в груди появлялась вибрация. Кузьмич выглянул в окно и обомлел: небо над лесом стало зелёным. Не просто посветлело, а именно зелёным, как будто кто-то гигантский фонарь включил.

Он даже тапки искать не стал — выскочил в чём спал, в трусах и майке. На улице уже народ толпился. Соседи повыскакивали кто в чём: кто в ночнушке, кто в семейниках, кто в старом халате. Все смотрели в сторону бора. Там, за крайними домами, в небо упирался столб зелёного света. Потом грохнуло так, что земля качнулась. Кузьмич схватился за перила, чтобы не упасть.

— Война! — заорал кто-то из толпы.

Но Кузьмич сразу понял — не война. Батя рассказывал: там грохот другой, там свист и взрывы. А тут — гул, как от землетрясения, и свет.

Утром, чуть свет, мужики собрались и пошли в лес. Лес Кузьмич знал как свои пять пальцев — с детства там грибы собирал, малину, рыбачил на озере за бором. А теперь не узнать. Сосны стояли стеклянные — прозрачные, хрупкие, с изумрудным отливом. Ветки при малейшем ветре осыпались и падали не глухо, а со звоном, будто бутылки разбивались. Трава под ногами хрустела и в пыль рассыпалась — жуть. В воздухе запах стоял странный: озоном и чем-то сладким, приторным, как переспелые груши, которые уже начали гнить. Голова кружилась.

Пошли дальше, к месту, где упало это нечто. На поляне лежала матовая капля, размером с хороший валун. Чёрная, не блестела, не отражала солнце — как будто кусок ночи на землю упал. А от неё по земле растекалась зелёная жижа. Не воняла, не испарялась — просто лежала и пульсировала, как живое сердце.

Мужики постояли, почесали затылки и разошлись. Кузьмич тоже ушёл, но запомнил всё до мелочей.

К полудню в посёлок въехали автобусы. Чёрные, без номеров, с логотипом на борту — белый круг с чёрным перекрестием, как прицел. За ними внедорожники бронированные, на крышах турели с пулемётами. Вертолёты над лесом появились — они без звука летали, как игрушечные, и тени от них падали не на землю, а вверх, будто солнце снизу светило. Народ стоял с открытыми ртами.

А вечером на столбах, заборах и стенах домов появились наклейки. Зелёные, с тем же прицелом. Отодрать их невозможно было — они в дерево и камень врастали, как лишайник, и в темноте начинали светиться. Кузьмич сам смотрел на почтовый ящик минуты три, и ему показалось, что он видит больничную палату. Отшатнулся, выругался.

Нинка тогда и сказала тихо:

— Рябинины пропали. Все четверо. И Славка, и Клавдия с лавочки.

Кузьмич промолчал. Он уже знал.

На следующий день он собрался и пошёл в лес. Нинка просила не ходить, чуть не в ноги кланялась. Он только сапоги натянул и молча вышел огородами, обходными тропами. За стеклянным пнём затаился и увидел бронированные машины, а вокруг — людей в чёрном. Человек двадцать, с оружием, в масках. Они не разговаривали, не курили. Просто стояли, как статуи. Раз в полчаса один из чёрных подходил к капле, касался её рукой — и капля начинала пульсировать ярче.

Кузьмич смотрел на них полчаса. Он ждал, что они снимут маски, заговорят, закурят — покажут, что они люди. Но они не показывали. Один из чёрных повернул голову в его сторону. Кузьмич замер, прижался к пню. Сердце

колотилось так, что, казалось, его слышно за версту. Но чёрный отвернулся, снова уставился на каплю. Кузьмич выдохнул. Он вдруг понял: эти твари не ищут его, потому что им на него наплевать. Они знают, что он никуда не денется.

Он понял, что больше ничего не увидит, и начал тихо отползать. Когда вернулся домой, ноги дрожали. Сел на кухне, налил чаю, но пить не мог.

Вечером он сказал Нинке, что сходит к соседу. А сам направился к хлебозаводу.

## Глава 2. Письмо

Заброшенный хлебозавод стоял на окраине, ещё с девяностых закрыли. С тех пор он только гнил: окна выбиты, крыша провалилась, внутри плесень и крысиный яд. Кузьмич через дыру в заборе пролез, перешагнул битый кирпич и увидел чёрный ящик — обычный почтовый, с отверстием. Рядом на верёвочке висел фломастер.

Он написал на конверте: «Я в деле». И свой адрес. Опустил.

Ночью он проснулся от запаха. Сладкий, приторный газ заполнил комнату. Попытался встать, но тело не слушалось — будто свинцом залило. Он видел, как открывается дверь, и входят двое — в чёрных комбинезонах, в масках. Нинка спала рядом, даже не вздохнула.

Его взяли за руки и понесли. Лестница, улица, чёрный автобус, зелёный свет в конце салона. Там уже сидели соседи. Рябиныны — с пустыми глазами. Славка — без мотоцикла, без ничего. Клавдия с лавочки — живая, но бледная, как полотно.

Автобус тронулся. Кузьмич провалился в темноту.

### Глава 3. Майами

Он очнулся в своей комнате. Точь-в-точь: обои в цветочек, платяной шкаф, старый телевизор, фотография внучки Веры на тумбочке. За окном — двор с качелями, которые он сам красил три года назад. Но небо было бирюзовым. И под окном росли пальмы.

Кузьмич сел, потёр лицо. Нинки нет. Он позвал — тишина. На столе лежал чёрный шар. Гладкий, тёплый. Кузьмич дотронулся, и шар заговорил голосом с механическим призвуком:

— Доброе утро, Иван Кузьмич. Вы находитесь в Майами. Игра начнётся через час. Ваша цель — остаться в живых. Победитель вернётся домой. Не пытайтесь покинуть зону — купол не пропускает. Мы видим всё.

Он ударил по шару кулаком — тот даже не шевельнулся.

В коридоре было огромное белое пространство. Пол зеркальный, потолок светится. Вдоль стен — диваны, игровые автоматы, стойки с едой, бассейн. Ходили люди — сотни. Соседи. Рябинины сидели на диване и смотрели в одну точку. Славка стоял у автомата и как робот нажимал кнопки — раз, раз, раз. Женщина с соседней улицы плакала в углу, прижимая к груди пустой пакет.

А посередине коридора стояла детская площадка. В точности как в Горном. На ней бегала Вера — его внучка. Она смеялась, махала рукой.

— Верочка! — закричал он, побежал, протянул руки — и руки прошли сквозь неё. Девочка исчезла дымом и появилась с другой стороны. Он бегал за ней, падал в песок, хватал воздух. А она смеялась и махала.

Он упал на колени в песок — тот был настоящим, тёплым, как в тот день, когда он водил Веру в парк за озером. Она обернулась, глаза блестели, чёлка прилипла к потному лбу.

— Дедушка! Ты пришёл! Я тут качели нашла!

Кузьмич протянул руки, чтобы схватить её за плечи, прижать к себе так сильно, чтобы она никогда не исчезла. Ладони коснулись её спины, он почувствовал тепло, запах её шампуня — клубничный, дешёвый, тот самый, которым она мыла голову прошлым летом.

— Верочка, милая, я здесь, я тут, — прошептал он, сжимая её. — Тише, тише, я тебя нашёл.

Она засмеялась, отстранилась, побежала к качелям. Он смотрел, как её косички хвостом разлетаются, и готов был разрыдаться от счастья.

Но когда она добежала до качелей, она прошла сквозь них. Тело её стало прозрачным, как стекло, и рассыпалось зелёной пылью. Качели качнулись пустые.

Он остался стоять на коленях в песке, обнимая пустоту. Песок был тёплым. В руках — ничего.

Он упал на колени и зарыдал. Прямо в песочнице.

Рядом опустился мужчина — лет сорока, уставший, с короткой стрижкой и глубокими морщинами вокруг глаз. Протянул руку.

— Бесполезно, — сказал он. — Голограммы. Мы видели тут всех — и живых, и мёртвых. Это издевательство.

Кузьмич вытер лицо.

— Ты кто?

— Алексей. Я из третьего подъезда. Ты Кузьмич, да? Я тебя помню.

— Что здесь происходит?

Алексей сел на песок:

— Игры. Смертельные. Я уже два раунда прошёл. Сегодня будет третий. У тебя зелёная наклейка на двери?

Кузьмич обернулся — на его двери был прицел.

— Господи...

— Надо выжить. Здесь каждый хочет жить. Только не все могут.

#### Глава 4. Бунт в столовой

Перед первым раундом в столовой начался хаос. Еда была нормальной, горячей, и голодные люди набросились на тарелки. Но трое мужиков из соседнего квартала — здоровые, с мозолистыми руками, бывшие сварщики — встали из-за столов. Один из них, Семён, ударил кулаком по алюминиевому подносу так, что тот согнулся.

— Хватит! — заорал он на весь зал. — Мы что, скот? Нас усыпили, привезли неизвестно куда, и мы будем жрать и ходить по струнке?

Он подошёл к стеклянной стене, за которой стояли охранники в чёрном. Семён начал бить по стеклу ногами — глухо, тяжело. Стекло даже не треснуло.

— Откройте! Выпустите нас! Мы ни в какие игры не играем! Вы кто такие вообще?

Охранники стояли неподвижно, как манекены. Один из них поднял планшет, что-то нажал. Потолок в столовой зашипел, и из динамиков полился приторный сладкий газ. Люди закашляли. Семён схватился за горло, хрипел, но продолжал бить по стеклу, пока не рухнул на колени. Газ вырубил его за десять секунд.

Остальные, кто пытался кричать, замолкли. Алексей подтащил Кузьмича к выходу:

— Не рыпайся. Они здесь не люди. Они машины.

Кузьмич посмотрел на охранников. У одного из них на воротнике блеснула зелёная капля — такая же, как в лесу. Живая. Дышала.

Семёна уволокли санитары. Он был без сознания, но живой. Когда его проносили мимо, Кузьмич слышал, как тот бормочет сквозь сон:

— Не хочу... не хочу играть...

Глава 5. Первый раунд. Тихий звонок

Зал оказался школьным классом. Старые парты с царапинами, доска зелёная, мел пахнет сыростью. На каждой парте — чёрный телефон с диском.

— Садитесь, — сказал голос. — Возьмите трубку. На экране появится имя того, кто вам дорог. Если не ответите до третьего гудка — убьют. Не вешайте трубку до конца — умрёте.

Кузьмич сел. Телефон зазвонил резко, пронзительно. На дисплее загорелось: «Верочка». Он схватил трубку:

— Верочка! Ты жива?

Голос внучки говорил с металлическим отзвуком. Плакал. Просил не вешать трубку. Говорил, что он умрёт, что она уже в гробу.

Кузьмич держал трубку. Рядом падали люди. Кто-то бросал трубку — из динамика вылетала игла и вонзалась в горло. Кто-то орал, молился. Кузьмич не вешал.

Через пять минут голос стих. В зале осталось шестьдесят из ста двадцати. Медики в белом забирали тела.



Алексей помог ему встать:

— Молодец. Ты справился.

— Она сказала, что я умру...

— Всем говорят. Это игра.

## Глава 6. Стычка с охранниками

После первого раунда люди озверели. В коридоре собралась толпа — человек тридцать. Они окружили двух охранников, которые стояли у входа в зал отдыха.

— Где наши семьи? — кричала женщина в замызганном халате. — Где мои дети?

— Мы не будем больше играть! — орал парень с разбитым носом, Антон. — Выпустите нас, или мы вас разорвём!

Охранники молчали. Один из них сделал шаг вперёд. Толпа шарахнулась назад, но Антон не отступил — схватил охранника за плечо, попытался оттолкнуть.

Охранник даже не шевельнулся. Он медленно поднял руку, положил ладонь на грудь Антона — и парень отлетел к стене, ударился затылком и сполз вниз. Никто не понял, как это произошло. Без звука, без рывка — просто сила, которой не могло быть у человека.

— Это не люди, — прошептал кто-то. — Это черти.

Кузьмич стоял в толпе и смотрел на охранников. Под чёрными костюмами что-то двигалось — мерцало зелёным, пульсировало в такт дыханию. Ему показалось, что у одного из них из-под маски вылез тонкий зелёный усик, понюхал воздух и спрятался обратно.

Толпа рассеялась. Больше никто не пытался нападать.

Антонна подобрали санитары. Он был жив, но глаза смотрели в разные стороны, а изо рта текла слюна. Кузьмич отвернулся.

Глава 7. Второй раунд. Обед

— Пройдите в столовую. Время — десять минут.

Столовая была точной копией той, что в Горном: длинные столы, клеёнки в клетку, алюминиевые тарелки. На подносах — котлеты, пюре, солёные огурцы, чёрный хлеб. Пахло как дома.

— Ешьте, — сказал голос. — Кто не съест всё — выбывает.

Голодные люди набросились на еду. Кузьмич отломил кусок хлеба, сунул в рот — и почувствовал металлический привкус. Горький, противный. Он посмотрел на тарелку — котлета шевелилась. На ней проступало лицо мужчины, который упал рядом с ним в первом раунде. Лицо смотрело на Кузьмича пустыми глазами.

— Ты ешь меня, Кузьмич, — сказала лицо. — Ты мог помочь, но не помог. Ты сидел и слушал свою внучку.

Кузьмич отодвинул тарелку. Сосед заорал:

— Ешь! Не смотри на них!

Кузьмич закрыл глаза и начал есть вслепую. Жевал, глотал, чувствовал металл и горечь, иногда что-то мягкое шевелилось на языке. Когда проглотил последний кусок, лицо исчезло.

Рядом женщина ела пюре и смеялась, рыдала и смеялась одновременно. На её тарелке были лица детей.

— Это мои дети! — кричала она. — Я их съедаю, чтобы они были всегда со мной!

Её вынесли санитары. Из шестидесяти осталось тридцать два.

Кузьмич сидел за столом и смотрел в одну точку. Алексей сидел рядом, бледный, потный.

— Ты как?

— Жив, — ответил Кузьмич.

— Пошли. Скоро третий.

## Глава 8. Побег

Между вторым и третьим раундом двое парней — Антон (тот самый, которого ударил охранник) и Коля — решили бежать. Антон пришёл в себя, но выглядел странно: двигался рывками, как кукла, и говорил с паузами. Он нашёл вентиляционную шахту в туалете, отогнул решётку, полез первым. Коля за ним.

Их заметили через три минуты. По коридорам разнёсся вой сирены — не громкий, а противный, режущий уши. Кузьмич и Алексей выбежали в коридор и увидели, как из вентиляции вываливается Антон. Он был весь в зелёной жиже, кричал, тряс руками — на них не было кожи, только мясо и сухожилия.

— Там стены живые! — орал он. — Они дышат! Они жрут!

Санитары подбежали к нему. Антон отбивался, но его скрутили. Он вырвался на секунду, кинулся к охраннику, который стоял у входа, и ударил того кулаком в маску. Маска треснула, и Кузьмич увидел под ней не лицо — зелёную пульсирующую массу с множеством глаз, которые смотрели в разные стороны. Охранник даже не дрогнул. Он поднял руку, коснулся плеча Антона — и парень замер. Глаза остекленели, он упал без звука.

Колю вытащили из вентиляции мёртвым. На его лице застыла улыбка, а из ушей текла зелёная жидкость.

Санитары уволокли обоих. Алексей отвернулся и прошептал:

— Зря он это сделал. Нельзя трогать их маски.

Кузьмич посмотрел на треснутую маску охранника — та уже восстанавливалась, как живая, затягиваясь зелёной плёнкой.

— Что там, внутри? — спросил он.

— Не знаю. И знать не хочу.

Глава 9. Третий раунд. Твой дом

— Возвращайтесь в свои комнаты. Закройте двери. Испытание начнётся, когда войдёте.

Кузьмич зашёл в свою квартиру. Всё было как обычно, но столы стояли на потолке, кровати прикручены к стенам, люстры лежали на полу. Всё перевернуто вверх дном.

Он прошёл в гостиную — и замер. В углу сидела она. Старая, гниющая, с облезавшей кожей, в его рубашке. Она смотрела на него — и он узнал себя.

— Ты не вернёшься, идиот, — сказала копия скрежещущим голосом. — Смотри на меня. Это ты через неделю. Мы — мясо для нового объекта.

Кузьмич отшатнулся, замахнулся стулом, но копия лопнула как мыльный пузырь. На ковре осталась зелёная жижа. Кузьмич посмотрел на руки — они начали покрываться язвами. Боль была невыносимой. Он кричал, пытался стряхнуть их, но язвы ползли по рукам, лицу, шее.

Он упал и забился в судорогах. Через зеркало доносился смех. Он поднял голову — в зеркале отражалась его копия: гниющая, мёртвая, улыбающаяся.

— Ты уже умер, — сказала она. — Просто не понял.

Через двадцать минут галлюцинации исчезли. Язвы пропали, боль ушла. Кузьмич сидел на полу, дрожал и не знал, жив ли он на самом деле.

В коридоре его встретил Алексей. Из тридцати двух осталось двенадцать.

## Глава 10. Спор в комнате отдыха

Оставшиеся двенадцать собрались в круглом зале с мягкими креслами. Кто-то плакал, кто-то сидел в ступоре. Один мужик, плотный, с красным лицом — бывший участковый, дядя Миша — встал и заорал:

— Надо было ломать стены, а не бегать по вентиляциям! Я видел, там стекло тонкое, если всем телом навалиться, можно выйти!

— Ты дурак, Миша, — ответил ему парень по имени Сергей, молодой, с дрожащими руками. — Там не стекло. Там что-то другое. Оно дышит. Я сам трогал, оно тёплое и пульсирует.

— Боишься, сопляк? — Миша встал в полный рост. — Я вон, двадцать лет порядок наводил. Я знаю, как с такими разговаривать!

— Ты никого не знаешь, — вмешался Алексей тихо, но твёрдо. — Ты здесь не участковый. Ты игрок. Ты умрёшь, как все, если не перестанешь искать виноватых.

Миша развернулся к нему:

— А ты кто такой, чтобы меня учить?

— Тот, кто прошёл два раунда. И видел, как умирают такие, как ты, — упрямые и громкие. Сядь.

Миша стоял, тяжело дышал, но сел. Все замолчали.

Кузьмич посмотрел на Алексея. Тот выглядел спокойным — слишком спокойным, как будто знал что-то, чего не знали другие. Но в глазах у него была такая же усталость, как у всех. Просто он умел её прятать.

— Откуда ты знаешь, как выживать? — спросил Кузьмич.

Алексей усмехнулся:

— Читал инструкцию. Шучу. Просто не паникую. Паника — главный убийца.

Он встал и вышел. Кузьмич смотрел ему в спину и чувствовал — тот недоговаривает.

Глава 11. Четвёртый раунд. Эхо

— Выйдите в коридор. Идите до конца. Не оборачивайтесь. Если обернётесь — выбываете.

Они стояли в начале длинного тёмного коридора. Стены шероховатые, пол холодный. Сзади загорелся свет, впереди — только темнота. Коридор сужался, воздух тяжелел.

— Не оборачиваться! — крикнул Алексей. — Что бы ни было — вперёд!

Пошли. Через минуту сзади слышались шаги. Разные: детские, взрослые, стариковские. Догоняли, приближались.

— Мама, я потерялась! — кричала девочка. Это была Вера.

— Дедушка, помоги! Меня забирают!

Кузьмич сжал кулаки, ускорил шаг. Он знал — иллюзия. Но голос был родным.

Кто-то касался его спины. Дыхание горячее, влажное. Пот катился по лицу.

— Кузьмич, обернись! — голос мужчины из первого раунда. — Я жив! Мы нашли выход!

Он не оборачивался.

Рядом шла женщина. Она остановилась, закричала:

— Там моя дочь! Я вижу её!

— Не оборачивайся! — заорал Алексей.

Она обернулась — и исчезла. Хлопок, и тишина.

Они шли. Ещё двое обернулись — не выдержали голосов детей. Упали, пропали в темноте.

Кузьмич шёл, пока не увидел свет. Вышел — и упал на колени. Из двенадцати выжило шестеро.

Глава 12. Пятый раунд. Мамины руки

Их осталось четверо: Кузьмич, Алексей, парень Антон (который чудом выжил после вентиляции) и девушка Оля

— Пройдите в комнату. Найдите ключ и откройте дверь. Три минуты.

Комната белая, из стен торчат жёлтые резиновые перчатки. Они шевелятся, как живые. Гладят проходящих. Из них капает зелёная жидкость.

Антон побежал первым, схватил перчатку — та сжалась, и он заорал. Пальцы хрустели. Перчатка затягивала его в стену. Он орал, пытался вырваться — засосало. Осталась только рука на полу.

Оля попятилась, но перчатки обвили её шею, начали душить. Она упала на колени, хрипела.

— Ищи ключ! — крикнул Алексей Кузьмичу. — Я отвлекаю!

Алексей крушил стулья, бил перчатки. Они хватали его, но он вырывался.

Кузьмич шарил по стене, нащупал металлический предмет — ключ. Сорвал, рванул к двери, вставил, провернул.

Дверь открылась. Они вышли. Олю нашли мёртвой.

В живых осталось двое.

### Глава 13. Финал. Зеркала

— Поздравляю. Остались двое. Пройдите в Зеркальный зал.

Комната с тысячами зеркал. В каждом — они, и в каждом — мёртвые лица: распоротые животы, отрезанные головы, гниющая кожа. Зеркала пульсируют зелёным.

На столе — ножи.

— Убей отражение соперника. Победитель получит свободу. Проигравший умрёт. Пять минут.

Они взяли ножи. Стояли друг напротив друга — и не двигались.

— Я не буду тебя убивать, — сказал Алексей. — Ты старый, у тебя внучка. Ты должен вернуться.

— А у тебя кто?

— Жена, сын. Но я не хочу так возвращаться. Не хочу убивать.

Алексей подошёл к зеркалу и ударил по нему — в том зеркале было отражение Кузьмича. Кузьмич вскрикнул — на плече открылась рана, кровь хлынула.



— Это иллюзия! — заорал Кузьмич. — Не бей! Если бьёшь зеркало со мной — я умираю!

— Тогда разобьём всё.

Они начали крушить зеркала. Осколки летели, ранили обоих. Били по стенам, по полу, пока не увидели под плитами аппарат — чёрный куб, пульсирующий зелёным, опутанный проводами.

— Это купол, — сказал Алексей. — Ломай!

Кузьмич ударил ножом в центр аппарата. Тот запел голосами всех умерших: Веры, Славки, Оли, Антона. Запел и начал плавиться.

Небо треснуло. Из трещин полилась кислота. Зеркала лопнули, пол рухнул. Они побежали в проём, где лился серый, настоящий свет.

Вспышка.

## Глава 14. Дом

Они упали на асфальт у дороги в Горном.

Кузьмич открыл глаза. Небо серое, пахнет бензином и пылью. Рядом Алексей, тяжело дышит. Мимо проехал чёрный автобус с прицелом — они едва откатились. Автобус скрылся за поворотом.

Они встали. Ноги дрожали, руки тряслись. Пошли в посёлок. Всё на месте: дома, столбы, тополя. Но что-то не так. Краски слишком яркие, тени слишком длинные, дома выше, чем он помнил. Небо чуть голубее, чем должно быть. Воздух пахнет озоном.

Люди на улицах не обращают на них внимания.

Кузьмич зашёл в подъезд, поднялся, открыл дверь ключом — он всё ещё был в кармане.

В квартире тихо. Нинки нет. Фотография Веры на тумбочке улыбается. Он позвал — никто не ответил.

На столе лежала записка. Сложена пополам, с зелёным прицелом. Он развернул:

«Ты справился, Иван. Поздравляю. Второй уровень начнётся через неделю. Ты уже в деле. Спроси у Алексея, как его зовут на самом деле».

Кузьмич выбежал в коридор. Алексей стоял у своей двери, бледный, с такой же запиской.

— У тебя тоже?

— Да.

— Как тебя зовут на самом деле?

Алексей замер, посмотрел на руки.

— Я... не помню. Я помню только, что я Алексей. Но это не моё имя.

Они смотрели друг на друга. За окном проехала чёрная машина. На столбе напротив загорелась новая зелёная наклейка.

Часть вторая

Глава 15. Тот, кто за экраном

В тот момент, когда Кузьмич и Алексей сломали аппарат, в бункере под Горным человек по имени Дмитрий Волков сидел в кресле и смотрел, как гаснут мониторы.

Комната была роскошной: панорамные окна, мягкие диваны, бар с коньяком, картины в золотых рамах. Но за окнами не город — тысячи экранов. На стене — портрет Волкова, но лицо размыто, как будто его не существует.

Волков не всегда был Волковым. В детстве его звали Дима, и он боялся темноты. Мать запирала его в подвале за двойки. «Если не научишься сидеть тихо, так и сгниешь», — говорила она. Он сидел в темноте сутками, слушал, как скребутся крысы, и учился не плакать. А потом понял: если ты не можешь выбраться, надо сделать так, чтобы те, кто наверху, тоже боялись. Он вырос, уехал, разбогател. Но каждый раз, когда он смотрит на игроков через камеры, он видит себя в том подвале. Только теперь он — тот, кто запирает. Это не жестокость. Это месть всему миру, который его не спас.

Он ударил кулаком по столу, коньяк разлился.

— Они поломали систему! — заорал он. — Верните контроль!

Но никто не отвечал. Свет погас. Только аварийное освещение горело красным.

Дверь открылась, вошёл Андрей — друг детства, которого Волков пригласил несколько дней назад. Андрей смотрел на экраны, на красный свет, на разлитый коньяк. Подошёл к мониторам и увидел кадры — тела, кровь, кричащих людей.

— Дима, — сказал он тихо. — Что это? Что ты наделал?

Волков поднял голову. На его лице не было страха — только раздражение.

— Они сломали игру. Придётся перезапускать.

— Игру? — Андрей схватил его за плечи. — Ты убил людей! Сотни! Соседей! Детей!

— Не убивал. Они сами. Я дал им шанс. А они не умеют бороться. Я учу их.

Андрей отшатнулся.

— Ты псих, Дима. Больной человек. Я сейчас выйду и всё расскажу. Ты сгниёшь в тюрьме.

Волков открыл ящик стола, достал пистолет с глушителем. Поднял, прицелился.

— Ты меня расстраиваешь, Андрюха. Всегда был добрым. А добрые не выживают.

Он выстрелил. Один раз. Звук был тихим, как хлопок. Андрей упал на дорогой ковёр, кровь растеклась по ворсу.

— Уберите, — сказал Волков охранникам. — И принесите новый пульт. Мы перенесём игру в другой город. Я не остановлюсь.

Он вышел, сел в чёрную машину и уехал. Бункер горел.

## Глава 16. Новый день

Через три дня Кузьмич стоял у окна и смотрел на лес. Там опять засиял зелёный свет. Вертолёты летели к посёлку, чёрные автобусы выезжали из леса. На столбах снова появлялись наклейки.

Он смотрел и не чувствовал страха. Только усталость и странное любопытство.

Он взял ручку, бумажку, написал: «Я в деле» и свой адрес. Вышел, положил в чёрный ящик у хлебозавода.

Ящик захлопнулся, и из щели полился не газ, а свет — яркий, белый.

Кузьмич почувствовал, как его пальцы немеют. Он посмотрел на свои руки — они стали прозрачными, как те сосны в лесу.

Голос из ящика сказал не механически, а почти ласково, женским голосом:

— В этот раз ты будешь не игроком, Иван. Ты будешь целью. Ты и ещё два человека. Остальные будут охотиться на вас. Неделя. Прячься. Или умри.

Он отшатнулся.

За спиной послышался топот. Он обернулся — из леса выходили люди. Соседи. С пустыми глазами. В руках — ножи, палки, камни.

Они смотрели на него.

— Ты нужен системе, — сказал голос. — Ты поломал её. Теперь она хочет тебя переварить.

Он побежал.

Он вернулся, сел на кухне. Взглянул в зеркало — и замер.

Отражение улыбалось. Но Кузьмич не улыбался.

— Здравствуй, — сказала отражение голосом Капсулы. — Ты снова в игре, Иван. С возвращением.

Кузьмич закрыл глаза. Открыл — отражение обычное.

За окном проехал чёрный автобус с прицелом.

В другом городе Волков сидел перед новым пультом, смотрел на список имён и улыбался.

— Ну что, народ. Начинаем новый сезон.

Он нажал кнопку. На экране загорелось:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НОВУЮ ИГРУ»

Глава 17. Последний звонок

Кузьмич сидел на кухне до вечера. Не включал свет, не пил чай. Смотрел на наклейку за окном.

Телефон звонил. Резко, пронзительно — как в первом раунде. Он не подходил.

Когда стемнело, он встал, надел куртку, сапоги. Вышел.

Посёлок пустой. Фонари не горят. Наклейки светятся зелёным — их больше, чем в прошлый раз. Каждый столб, каждый забор.

Он дошёл до хлебозавода. Чёрный ящик открыт. Внутри — десятки писем. «Я в деле», «Я в деле», «Я в деле».

Он взял одно, прочитал адрес. Это был адрес его дома

Кузьмич улыбнулся. Впервые за долгое время. Положил письмо обратно и пошёл в лес.

Он хотел увидеть Волкова. Спросить — зачем.

Лес стеклянный, сосны звенят от ветра. Он дошёл до поляны. Объекта нет — только чёрная земля и зелёная жижа. Следы шин, ведущие в никуда.

И человек в белой маске посередине.

— Здравствуй, Иван. Ты пришёл.

— Ты Волков?

Маска снялась. Под ней — лицо Алексея. Усталые глаза, короткая стрижка, седые виски.

Кузьмич отшатнулся.

— Ты?!

— Я, — сказал Алексей, он же Волков, он же Дмитрий Сергеевич. — Ты хотел меня увидеть. Вот я.

— Зачем?

Волков улыбнулся.

— Потому что могу. Потому что интересно. Потому что вы — просто мясо. И я смотрю, как вы умираете. Это красиво.

Кузьмич смотрел на него и вдруг понял: этот человек не врёт. Он действительно считает их мясом. Не из-за злобы, а потому что давно забыл, что такое быть человеком. Он сам стал частью своей игры — пустой, холодной, бесконечной.

— Ты ведь был таким же, как мы, — сказал Кузьмич. — До того как сел в это кресло.

Улыбка Волкова дрогнула.

— Не умничай, Иван.

— Я не умничаю. Я просто вижу. У тебя глаза мёртвые.

Волков молчал.

Кузьмич сжал кулаки, шагнул вперёд. Волков поднял руку.

— Не надо, Иван. Ты не сможешь меня убить. Ты умрёшь в следующем раунде. Или сейчас. Но умрёшь.

— Я не боюсь.

— Я знаю. Поэтому ты интересный.

Волков надел маску и исчез.

Кузьмич остался один.

Он развернулся и пошёл обратно. Домой, к Нинке, к Вере. К той жизни, которая была до.

Но когда вышел из леса — посёлок был пуст. Наклейки исчезли. Дома стояли тёмные.

И только на почтовом ящике горела надпись:

## «ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ»

Кузьмич сел на лавочку и заплакал.

А где-то в роскошной квартире Волков нажал новую кнопку.

И в другом посёлке, за сотни километров от Горного, из неба упала зелёная звезда.

Игра начиналась снова.

И будет начинаться всегда.

Он плакал не от страха. Он плакал оттого, что понял: этой истории не будет конца. Даже если он умрёт, кто-то другой сядет на его место. Даже если он победит, Волков придумает новый уровень. Игра не про выживание. Игра про то, чтобы сломать тебя настолько, чтобы ты сам захотел в неё играть.

Он поднялся, вытер лицо рукавом и пошёл в дом. Не включал свет. Лёг на кровать, где когда-то спала Нинка.

Закрыл глаза.

Утром он встанет, нальёт чай, выйдет на крыльцо. И опять увидит зелёную наклейку на почтовом ящике.

И опять возьмёт фломастер.

Потому что, если ты в деле — ты в нём навсегда.

КОНЕЦ

14:46

Аннотация